

УДК 94(47).081

В.И. БАЯНДИН

ВСЕОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ КАК ЧАСТЬ ВОЕННЫХ РЕФОРМ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

канд. ист. наук

Новосибирский государственный педагогический университет

e-mail: p.bayandin@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о принятии в России в январе 1874 г. Закона о всеобщей воинской повинности. Проводится сравнение закона 1874 г. с Рекрутскими уставами 1827 и 1831 гг. Прослеживается процесс подготовки и проведения рекрутских наборов в стране и особенности их проведения в Сибири. Оценивается значение принятого закона в плане повышения боеспособности русской армии и увеличения ее численности в условиях быстрого роста военного потенциала ряда ведущих европейских стран. Анализируется отношение разных слоев российского общества к появлению Закона о всеобщей воинской повинности в стране.

Ключевые слова: Рекрутские уставы, рекрутские наборы, рекрутские квитанции, денежный выкуп, всеобщая воинская повинность, Манифест 1874 г., сибирские «инородцы», призывной возраст, русская императорская армия.

Поражение в Крымской войне болезненно отозвалось в разных слоях российского общества. Император Николай I, который, как известно, видел в военной деятельности основную обязанность императора, в конце своего правления оказался у разбитого корыта. Русская императорская армия, несмотря на героизм и мужество своих нижних чинов, проявленное ими в ходе войны, потерпела жестокое и унижительное поражение на своей собственной территории от военной коалиции иностранных государств. Необходимость проведения кардинальной военной реформы в стране, которую и прежде видели в широких слоях российского общества, наконец-то осознали и в высших государственных сферах. О военных преобразованиях и военных реформах в России 1870–1880-е гг. немало писали известные исследователи истории русской армии: Л.Г. Бескровный, П.А. Зайончковский, А.Е. Разин, А.В. Федоров и др. Особое место в этих преобразованиях занимает Манифест 1874 г., который устанавливал в стране всеобщую воинскую повинность.

В годы правления императора Николая I были приняты два рекрутских устава: в августе 1827 г. – «Устав рекрутской повинности и военной службы евреев» (в дальнейшем – Устав 1827 г. – В.Б.) и в июне 1831 г. – «Устав Рекрутский» (в дальнейшем – Устав 1831 г. – Б.В.). Эти уставы устанавливали порядок проведения набора молодых людей на военную службу в русскую армию: а) указывался возраст, рост, физическое состояние рекрутов, перечислялись условия освобождения от военной службы и для жителей разных местностей, и для разных слоев населения; б) очерчивались границы ответственности городских и сельских обществ, а также должностных лиц за ненадлежащее исполнение рекрутской повинности. В именном указе, данном Сенату 26 августа 1827 г. по поводу воен-

ной повинности евреев, император Николай I определил значение военной службы для этой категории населения следующим образом: «Мы уверены, что образование и способности, кои приобретут они в военной службе, после выслуги узаконенных лет, сообщатся их семействам, для вящей пользы и лучшего успеха в них оседлости и домашнем хозяйстве <...>»¹. Принятие Рекрутского устава в 1831 г. ставило задачу «определить четкий и понятный порядок рекрутских очередей в податных сословиях и сократить поток жалоб и заявлений, поступающих в ходе проведения рекрутских компаний»².

В последующие годы ряд положений упомянутых уставов частично менялся и дополнялся, но Уставы продолжали действовать на протяжении нескольких десятков лет, вплоть до перехода русской армии к всеобщей воинской повинности в 1874 г.

В России до принятия Манифеста 1874 г. некоторые слои населения, как тогда говорили, были «изъяты от данной повинности». В Уставах 1827 г. и 1831 г. приводился довольно значительный перечень лиц податных сословий, которые не подлежали рекрутской повинности ни в натуральной, ни в денежной формах. Приведем в качестве примера фрагмент из § 10 Устава 1831 г.:

Купцы всех трех гильдий, казенные крестьяне, беспорочно прослужившие по выборам своих обществ три трехлетия в земских или других судах, казенные крестьяне, вошедшие в состав военных поселений, лица, коим <...> пожалованы медали для ношения на шее, разного рода коло-

¹ ПСЗ РИ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. II. 1827 год. С. 727.

² ПСЗ РИ. Собр. 2-е. СПб., 1832. Т. VI. Отд. 1. 1831 год. С. 501.

нисты, лица, приписанные к Морскому ведомству в качестве лощманов, <...> сибирские киргизы и сибирские инородцы <...> русские жители некоторых округов сибирских губерний и областей <...>»³. Кроме того, на определенный срок, то есть временно, освобождались от принятия в рекруты «<...> родившиеся в податном сословии после ревизии <...> казенные крестьяне, переселившиеся по распоряжению правительства из одной губернии в другую губернию, военнопленные, учинившие присягу на подданство и записанные в мещане, ссыльнопоселенцы в Сибири <...>»⁴.

В Уставе 1827 г. также назывались те, кто освобождался от призыва на военную службу совсем либо на время. В § 58 говорилось: «Сверх купцов, по общим законам от рекрутской повинности освобождаемых, подобное право даруется раббинам, но не распространяется на его семейство». А в § 63 отмечалось: «Евреи, имеющие звание мастеров с надлежащими свидетельствами на оное, увольняются от рекрутской повинности лично». Следующие § 64 и § 65 предоставляли право евреям и их детям, занимающимся хлебопашеством, временное освобождение – на 25 или 50 лет – от рекрутства⁵.

Население некоторых губерний империи освобождалось от выставления рекрутов с заменой натуральной повинности денежным платежом. Так, в феврале 1831 г. император Николай I утвердил решение Комитета министров «О дозволении населению Архангельской губернии вносить в казну, для зачета за рекрутов в будущие наборы по 1000 рублей за человека»⁶. Эта льгота населению названной губернии была сохранена и в Уставе 1831 г.

Объявляя в январе 1874 г. о принятии манифеста «О введении всеобщей воинской повинности», император Александр II подчеркивал:

В постоянной заботливости о благе нашей империи и даровании ей лучших учреждений мы не могли не обратить внимание на существовавший до сего времени порядок отправления воинской повинности. <...> Наше доблестное дворянство и другие не подлежащие рекрутству сословия, в многократных заявлениях выразили нам радостное желание разделить с остальным народом тягости обязательной военной службы.<...> Мы не ищем, как и не искали до сих пор блеска военной славы и лучшим жребием <...> почитаем вести Россию к величию путем мирного преуспевания и всестороннего внутреннего развития...⁷.

Таким образом, рекрутская повинность, которую прежде возлагали лишь на сословия мещан и крестьян, отныне в качестве воинской повинности должна распространяться на все сословия российского общества. Однако повинность, заявленная как всеобщая, на

самом деле таковой в полной мере не являлась, и это подчеркивают многие исследователи.

Традиционная формула вступительной части указанного манифеста (с тем, что закон принимается в интересах различных слоев населения и по их настойчивым просьбам и обращениям) не должна вводить читателя в заблуждение. Известно, что современники далеко не разделяли радостной уверенности своего монарха в грядущей популярности новой повинности. Особенно это касается тех слоев населения, которые прежде были от нее избавлены. По разным причинам отрицательно был встречен новый закон и частью дворянства, промышленников и купцов. Об этом подробно пишет в своей монографии, посвященной русской армии, А.В. Федоров [1, с. 226, 228, 229, 258]. Недовольство новым законом выражали также некоторые представители высших слоев гражданской и военной власти. Они видели в нем угрозу либерализации и демократизации состава российской армии, что в конечном итоге должно было негативно отразиться на лояльности и преданности армии российскому самодержавию. Об этих опасениях некоторых высших сановников упомянул император Александр II в беседе с военным министром Д.А. Милютиным [2, с. 108].

Манифест 1874 г. изменял систему комплектования русской армии. Прежде всего, новый закон отменял существовавшую ранее возможность денежного взноса вместо службы или выставления на службу «заместителя», т.е. человека, которого ранее можно было нанять вместо себя для несения военной службы. Так, в § 303 Устава 1831 г. говорится: «При исполнении рекрутской повинности допускаются следующие замены: 1) наем; 2) взнос деньгами вместо поставки рекрут натурою и обратно; 3) разного рода зачеты; 4) перемена отданного в рекруты другим лицом или посредством представления зачетной квитанции»⁸. Последняя из предлагаемых замен выглядела весьма интересно: закон разрешал вернуть обратно с военной службы взятого ранее рекрута, отправив вместо него найденного добровольца или предоставив соответствующую зачетную квитанцию.

Однако, если быть более точным, возможность откупиться от военной службы для новобранцев (так теперь в документах часто будут именовать прежних рекрутов) и после принятия Манифеста 1874 г. о всеобщей повинности еще некоторое время сохранялась: на руках у населения империи еще находились так называемые зачетные и рекрутские квитанции, которые были введены в обращение в предшествующие годы. Эти квитанции могли предъявлять члены семьи или родственники новобранца во время проведения очередного набора на военную службу; разрешалось засчитывать эти квитанции вместо людей. Но приобрести такую квитанцию и отчитаться ею при наборе могли позволить себе немногие: ее стоимость устанавливалась центральными властями и составляла несколько сотен рублей. Нередко это была далеко не оконча-

³ Там же. С. 503.

⁴ Там же. С. 504.

⁵ ПСЗ РИ. Т. II. С. 731.

⁶ ПСЗ РИ. Т. VI. Отд. 1. С. 158.

⁷ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. СПб., 1876. Т. XLIX. Отд. 1. 1874 год. С. 1.

⁸ ПСЗ РИ. Т. VI. Отд. 1. С. 536.

тельная цена рекрутской квитанции. А.В. Федоров приводит примеры скупки таких квитанций у сибирского населения по цене от 600 до 2000 руб. для последующей перепродажи «нуждающимся» в Европейской России по цене до 3000 руб. [1, с. 261].

Рекрут, особенно в первой половине XIX в., уходил на военную службу на длительный срок – на 22–25 лет. Поэтому в глазах населения рекрутская повинность считалась не почетной обязанностью, а тяжелой повинностью, почти наказанием для молодого человека, взятого в рекруты. Такое представление о военной службе формировало у населения империи и сами Уставы. В Уставе 1827 г., в § 34, отмечалось: «Общество по своему приговору может отдавать в рекруты всякого еврея во всякое время, за неисправность в податях, за бродяжничество, и другие беспорядки нетерпимые в оном»⁹.

В Уставе 1831 г. поясняется регламент отдачи на военную службу в качестве наказания. Так, в § 324 указано:

Общества мещан, крестьян казенных, крестьян удельных и свободных хлебопашцев могут <...> отдавать в рекруты в зачет будущих наборов следующих людей <...>

- 1) обличенных по суду в буйстве, малоценных кражах и других проступках уголовному наказанию подлежащих;
- 2) пойманных в бродяжничестве и возвращенных в общество полицией;
- 3) оказавшихся за всеми исправительными мерами, к платежу податей неблагонадежными по нерадению или по беспутной жизни, а не по какому-либо несчастию;
- 4) сверх того, по Удельному ведомству людей непокорных власти.

А § 327 перечисляет, каким образом могли быть отданы в рекруты «мещане за дурное поведение»¹⁰. Этот же Устав разрешал помещикам отдавать крепостных людей в рекруты по своему усмотрению. Отсюда становится понятным, как воспринимали рекрутскую службу многие современники.

Однако имелись и определенные ограничения в отдельных Уставах, которые сегодня могут показаться весьма странными. Так, при направлении наказанных лиц на военную службу Устав 1831 г. требует учитывать, что «запрещается обществам и помещикам представлять, а Рекрутским присутствиям принимать в рекруты людей, наказанных за преступления рукою палача. Но наказанные при полиции, чрез ее служителей, с возвратом на прежнее жительство могут быть предоставлены в рекруты»¹¹.

Население некоторых губерний и областей европейской части страны, согласно Уставам 1827 и 1831 гг., вместо военной службы вносившее денежный выкуп, по Манифесту 1874 г. должно было исполнять воинскую повинность в натуральном виде. При этом прямой денежный выкуп от службы был отныне запрещен.

Льготы сибирским «иногородцам», которые Уставами 1827 г. и 1831 г. освобождались от призыва на военную службу, были сохранены и в Манифесте 1874 г.

Кроме того, Устав 1831 г. освобождал от рекрутской повинности и часть русского населения, проживавшего в некоторых отдаленных местностях Сибири, в том числе в Камчатском и Охотском приморских управлениях, Киренском (Иркутской губ.), Березовском (Тобольской губ.) округах; в Тогурском (Томской губ.) и Туруханском (Енисейской губ.) отделениях и во всей Якутской области¹². Ко времени принятия Закона о всеобщей воинской повинности Россия уже присоединила территорию Дальнего Востока, все население которого также освобождалось от воинской повинности.

Манифест 1874 г. относительно русского населения Сибири фиксировал некоторые существенные изменения. Если в Уставе 1831 г. от рекрутской службы было освобождено все русское население Якутской области, то теперь это право распространялось лишь на население Среднеколымского, Верхоянского и Вилюйского округов. В Енисейской губернии к жителям Туруханского отделения, ранее освобожденным от этой повинности, добавилось население Богучарского отделения. Манифест 1874 г. сохранял эту льготу для русского населения Тогурского отделения Томской губернии, а в Тобольской губернии такое право, кроме жителей Березовского округа, получили еще и русские жители Сургутского округа. Однако население Киренского округа Иркутской губернии прежних льгот по исполнению воинской повинности отныне было лишено. Следовательно, Манифест 1874 г. распространял действие Закона о всеобщей воинской повинности на более обширную территорию Сибири и заметно увеличивал количество сибиряков, призываемых отныне на военную службу.

Манифест 1874 г. существенно изменил и возрастные границы для лиц, призываемых на военную службу:

	<i>Возраст</i>
Устав 1827 г.	с 12 до 25 лет*
Устав 1831 г.	с 20 до 35 лет
Манифест 1874 г.	20 лет**

* Действительная военная служба для евреев начиналась и считалась с 18 лет; малолетних евреев сначала отправляли в специальные учреждения, которые должны были, как отмечалось в документах, «подготовить их к исполнению военной службы».

** Призывали молодых людей, которым к 1 января года призыва на военную службу исполнилось 20 лет.

Как видим, возрастной состав призываемых на военную службу становится более однородным, и абсолютное большинство новобранцев отныне поступает на военную службу в возрасте 20–21 года, что, несомненно, положительным образом отразилось на физическом состоянии русской армии. При этом с принятием Манифеста 1874 г. количество призываемых на

⁹ ПСЗ РИ. Т. II. С. 730.

¹⁰ Там же. Т. VI. Отд. I. С. 539, 540.

¹¹ Там же. С. 524.

¹² Там же. С. 503.

военную службу, по сравнению с прежними рекрутскими наборами, возрастает.

Обычно рекрутские наборы проводились осенью, за исключением военного времени. Причем за несколько месяцев до очередного рекрутского набора от имени императора издавался манифест, в котором отмечались основные условия объявленного набора. Затем принимались распоряжения, оговаривавшие особые требования к рекрутам предстоящего набора; они могли касаться возраста, роста, физических данных рекрутов, а также сроков проведения набора, его географических особенностей и т. п.

В качестве примера обратимся к распоряжениям и законам, которые были приняты в первой половине 1831 г. 28 января 1831 г. император Николай I подписал манифест «О сборе с 500 душ по 3 рекрута», в котором население страны извещалось о проведении весной текущего года очередного, 96-го, рекрутского набора. В тот же день появился именной императорский указ, данный Сенату – «О правилах для произведения рекрутского набора», а 31 января последовало распоряжение Сената «О требованиях от поступающих на службу людей свидетелей из метрических книг о времени рождения». 3 февраля был принят императорский именной указ «О убавлении цены за рекрутскую одежду для рекрут 96 набора», 10 февраля появляется утвержденное царем мнение Государственного совета «О способах к облегчению в отправлении рекрутской повинности по предстоящему 96 набору». 14 февраля император утвердил положение Комитета министров «О дозволении населению Архангельской губернии вносить в казну, для зачета за рекрутов в будущие наборы по 1000 рублей за человека». 16 марта издано распоряжение Сената «О порядке принятия финляндских уроженцев в рекруты за российских мещан и крестьян», а 11 мая появляется новое распоряжение Сената «О принятии рекрутских квитанций к зачету во всех губерниях...»¹⁴. И, как уже отмечалось, 28 июня 1831 г. был принят Устав рекрутский.

Итак, манифест об очередном рекрутском наборе, как правило, сопровождался многочисленными дополнительными постановлениями, указами, распоряжениями, официальными мнениями различных государственных учреждений по данному вопросу. После принятия Рекрутского устава 1831 г., в котором подробно говорилось о процедуре проведения рекрутских наборов, существенно уменьшилась необходимость принятия дополнительных указов и распоряжений. С появлением Манифеста 1874 г., в котором достаточно подробно были расписаны практически все процедуры, связанные с набором на военную службу, число сопутствующих распоряжений еще сократилось.

По Уставу 1831 г. за рекрутов, до того как их сдавали на военную службу, отвечало общество и «отдатчик» – лицо, назначенное сельским обществом для доставки молодых людей в рекрутское присутствие.

¹³ ПСЗ РИ. Т. II. С. 728; Т. VI. Отд. 1. С. 524; Т. XLIX. Отд. 1. С. 4.

¹⁴ ПСЗ РИ. Т. VI. Отд. 1. С. 63, 116, 125, 138, 158, 240, 363.

С принятием Манифеста 1874 г. ответственность (вместо прежней коллективной) становилась теперь персональной: за уклонение от военной службы, бегство с мест приема наказанию подвергался сам провинившийся. Прежде сельские и городские общества, выставляя молодых людей в рекруты, были обязаны также собрать установленную законом сумму денег, которая предназначалась для изготовления мундирной одежды рекруту, его питания в течение нескольких месяцев и наградных денег. По свидетельству документов, центральные власти стремились в 1840–1850-е гг. снизить финансовые расходы населения при поставке рекрут, но эти расходы были все же весьма значительными. Эти денежные сборы, естественно, являлись тяжелой ношей для населения страны. При этом, если в Европейской России время нахождения в пути к рекрутскому присутствию составляло максимум несколько дней, то в Сибири, в связи с обширностью ее территории, – иногда недели. Следует учитывать, что по Уставу 1831 г. в рекрутские присутствия помимо самих рекрутов отправлялись еще и так называемые «подставные», т.е. молодые люди, готовые заменить рекрутов, и это также увеличивало финансовые расходы сельских обществ.

Манифест 1874 г. отменил многие прежние денежные расходы местных обществ, частично отнес их на счет государства. К тому же, согласно этому закону, было увеличено количество мест приема новобранцев на военную службу, что для населения Сибири играло весьма существенную роль.

Как отмечалось выше, Манифест 1874 г. вновь подтвердил, что коренное население Сибири и Дальнего Востока освобождено от воинской повинности, как отмечали центральные власти, «до особых на то распоряжений и узаконений». На самом деле российская монархия так и не решила столь важный вопрос вплоть до своего падения в 1917 г., хотя вопрос о военной службе сибирских «инородцев» неоднократно обсуждался на самых разных уровнях.

Несомненно, принятие Манифеста о всеобщей воинской повинности в январе 1874 г. внесло значительный вклад в совершенствование и реорганизацию военного устройства Российской империи.

Проведение первого призыва по Закону о всеобщей воинской повинности должно было стать серьезным экзаменом не только для центральных и местных властей, но и для всего населения империи. Вопрос о том, как в Сибири осенью 1874 г. был проведен первый набор на военную службу молодых людей по новому закону, рассматривался нами ранее в одной из статей [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров А.В. Русская армия в 50–70 гг. XIX в. Л., 1959.
2. Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875 гг. М., 1947. Т. I.
3. Баяндин В.И. Первый в Сибири набор по закону о всеобщей воинской повинности // Сибирь мой край... Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 183–199.